

4. Benoit K. Models of electoral system change. *Electoral Studies*, 2004, vol. 23, pp. 363–389 – Available at: http://www.kenbenoit.net/pdfs/benoit_MES.pdf.
5. Bielasiak J., Hulsey J. W. *Party Systems determinants of Electoral Reform in Post-communist States*, 2009. Available: <https://ecpr.eu/Filestore/PaperProposal/2400ae4c-94e5-4e48-bb2b-798dce95dc09.pdf>.
6. Birch S. *Lessons from Eastern Europe: Electoral Reform Following the Collapse of Communism*, 2005. Available at: http://elibraria.org/assets/2005-Birch-CausesOfElect_ReformIn_CEE.pdf.
7. Birch S. *Electoral Systems and Political Transformation in Post-Communist Europe*, Basingstoke: Palgrave-Macmillan, 2003. Available at: <http://ispo.fss.muni.cz/uploads/2download/v4/V4-Birch.pdf>.
8. Elster J., Offe C., Preuss U. K. *Institutional Design in Post-communist Societies*. Cambridge, Cambridge. 1998. Available at: <http://diadster.ru/kyhetura.pdf>.
9. Geddes B. Initiation of new democratic institutions in Eastern Europe and Latin America. *Institutional Design in New Democracies: Eastern Europe and Latin America*. Ed. by A. Lijphart, C. H. Waisman. Oxford, Westview Press Publ., 1998, pp. 14–52.
10. Katz R. S. Why are there So Many (or So Few) Electoral Reforms? *The Politics of Electoral Systems*. Ed. by M. Gallagher, P. Mitchell. New York, Oxford University Press Publ., 2008, pp. 57–80.
11. LeDuc L., Bastedo H., Baquero C. The Quiet Referendum: Why Electoral Reform Failed in Ontario. *Paper presented at the Canadian Political Science Association 80th Annual Conference. Vancouver, British Columbia*. Available at: https://www.cpsa-acsp.ca/documents/pdfs/reports/2008_Abstracts.pdf.
12. Levick L. *Recasting Electoral Reform: Identifying and Overcoming Problems of Selection Bias*. British Columbia, 2013. Available at: <https://www.cpsa-acsp.ca/papers-2013/Levick.pdf>.
13. Lijphart A. Democratization and constitutional choices in Czecho-Slovakia, Hungary and Poland 1989–91. *Journal of Theoretical Politics*, 1992, vol. 4 (2), pp. 207–223.
14. Reilly B. Democratization and Electoral Reform in the Asia-Pacific Region: Is there an “Asian Model” of Democracy? *Comparative Political Studies*, 2007, November, pp. 1350–1371.
15. Remmer K. L. The Politics of Institutional Change: Electoral Reform in Latin America, 1978-2002. *Party Politics*, 2008, vol. 14, no. 1, pp. 5–30.
16. Riker W.H. The two-party system and Duverger’s law, an essay on the history of political science. *American Political Science Review*, 1982, vol. 76, pp. 753–766.
17. Shamir M. Changes in electoral systems as interventions: another test of Duverger’s hypothesis. *European Journal of Political Research*, 1985, vol. 13, pp. 1–10.
18. Shugart M. S. Electoral reform in systems of proportional representation. *European Journal of Political Research*, 1992, vol. 21, pp. 207–224.

**САМООРГАНИЗАЦИЯ СОВРЕМЕННОГО
РОССИЙСКОГО ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА:
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ**

Мордасов Алексей Олегович, аспирант
Астраханский государственный университет
Российская Федерация, 414004, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mai: alexeycu30@gmail.com

Рассмотрены теоретико-методологические основы исследования самоорганизация современного российского гражданского общества. Используя подходы А. Токвиля и Ю. Хабермаса к определению сущности, содержания, акторов и ресурсов самоорганизации гражданского общества, мы акцентируем внимание на проблемах общественной самоорганизации в российском социуме. На основе методологии А. Токвиля при исследовании властно-гражданских отношений раскрываются параметры дискретности и локальности трансформаций российского политического процесса; причины модификации способов участия гражданского общества в политическом управлении; факторы появления новых субъектов гражданских инициатив. Анализ коммуникативного взаимодействия как механизма самоорганизации социума в теории «делиберативной демократии» Ю. Хабермаса позволяет ответить на вопрос о том, что угрожает коммуникативной рациональности

современного российского государства и гражданского общества и каким образом соблюдение требований этики к организации дискурса, гарантирует «ответственность коммуникативной свободы» и достижение общественного согласия? Предметное поле дальнейшего исследования – самоорганизация современного российского гражданского общества – необходимо дополнить анализом институциональных барьеров, ограничивающих потенциал гражданской самоорганизации; оценкой коммуникативных технологий, используемых в публичной сфере для поддержки реальных конкурентных преимуществ самоорганизации гражданского общества; определением факторов, оказывающих прямое воздействие на локальную и общенациональную самоорганизацию российских граждан. Интерес представляет также формирование условий для саморазвития системы за счет повышения мотивации и способности россиян к самоорганизации; поддержки гибкости и адаптивности управленческих структур, реализующих государственные меры стимулирования данного процесса; обеспечения постепенной замены «официальной публичной политики» на свободный обмен информацией и опытом использования имеющихся возможностей для реализации гражданских инициатив.

Ключевые слова: государство, гражданское общество, самоорганизация гражданского общества, факторы развития гражданского общества, публичная политика, политическое участие, взаимодействие органов власти и структур гражданского общества, политическая повестка дня, политическая коммуникация, гражданская инициатива

SELF-ORGANIZATION OF MODERN RUSSIAN FEDERATION'S CIVIL SOCIETY: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL BASIC PRINCIPLES OF RESEARCH

Mordasov Alexey O., postgraduate student
Astrakhan State University
20a Tatishcheva Str., Astrakhan, 414004, Russian Federation
E-mai: alexeycu30@gmail.com

The article reviews basic theoretical and methodological principles of self – organization Russian Federation's modern civil society. With using of A. Tokvil's and Y. Habermas' scientific approach, to determination of actors, resources, which is necessary for modern civil society self-organization process, author stress attention on Russian society's problems of self – organization. In terms of A. Tokvill's methodology author describes features of transformation process in relationships between government and society; reasons of changes civil society's participation in political process; factors of new civil initiative appearance. Analysis of communication process as tool of self-organization in theory of Y. Habermas helps to find main problems of communication between modern Russian's state and civil society. The field for future researches of self – organization Russian Federation's modern civil society needs additional analysis institutional barriers, which limits potential of civil self-organization; valuation of technologies, which provide competitive advantages in civil society's communication; determination of key factors, which make an influence on self-organization of citizens. Also, it is necessary to observe conditions of citizen's motivation improvement for self-organization, evaluate using government's support of civil initiative.

Keywords: state, civil society, self-organization of civil society, factors of development of civil society, public policy, political participation, interaction of authorities and structures of civil society, political agenda, political communication, citizens' initiative

Изменение политических реалий современного российского общества закономерно сказывается на характере, механизмах и формах взаимодействия государственных и гражданских структур, соотношении политического управления и общественной самоорганизации при определении приоритетов социально-экономического развития. Понимание новых феноменов российской публичной политики предопределяют исследования трансформаций политического пространства, формирования политической идентификации, оценки эффективности политического управления и т.д. [5; 8; 10]. Ключевым концептом анализа процессов самоорганизации социума на негосударственном уровне является гражданское общество, так как добровольность объединения граждан для достижения социально значимых целей – это не только его

сущностный признак, но и важнейший фактор влияния на разработку, принятие и реализацию государственных решений.

В истории социально-философской мысли предлагались разнообразные теоретико-методологические подходы к пониманию особенностей и содержания процесса институционализации самоорганизации граждан. Однако исследования идеи, идеала и реальных практик развития гражданского общества по-прежнему сохраняют свою популярность в Европе и США [2; 3; 6, 9]. В условиях современной России они также являются актуальными в политическом дискурсе [1; 4; 14], поскольку взаимодействия в системе «власть – общество» определяют политический и социальный порядок и, как следствие, структуру возможностей и ограничений, направленность и репертуар гражданских действий акторов публичной сферы.

Особый интерес в этой связи представляет анализ данных процессов на разных исторических этапах понимания гражданского общества в трудах А. Токвиля [7] и Ю. Хабермаса [12; 13]. С одной стороны, их оценки значимости тех или иных факторов, акторов, ресурсов в процессах самоорганизации граждан для упорядочения повседневной жизни в соответствии с привычными нормами социального действия обладают существенными отличиями. С другой стороны, тем самым дополняют друг друга, подчеркивая дифференцированность гражданского и государственного (политического), многообразие возможных форм самоконституирования и самомобилизации гражданских институтов. Так, Токвиль рассматривает самоорганизующееся гражданское общество в роли субъекта трансформации общественно-политических структур, формирующего потенциал сопротивления произволу государства. Он дает современникам руководство к действию, поясняя, что вскоре у граждан не будет иного выбора, кроме демократии, важнейшим условием которой является развитие гражданских институтов. Рассматривая демократию в качестве реального факта американской действительности, Токвиль не дает четкого определения данного понятия и, как следствие, по-разному трактует его сущность: стремление к уравниванию всех сторон жизни общества; представительная форма правления; всеобщее избирательное право; движение общества к равенству и т.д. Однако именно это позволит ему ответить на два принципиально значимых вопроса для понимания моделей взаимодействия государства и гражданских структур. Почему в Америке демократическое общество оказалось либеральным? Чем демократическое гражданское общество отличается от недемократического? Убежденный сторонник демократии будет доказывать ее необходимость, в первую очередь, в общественных отношениях, а не в политической жизни, поскольку объединение индивидуальных и коллективных сил позволяет добиться того, чего самая сконцентрированная и самая деятельная власть была бы не в состоянии сделать. Среди множества предметов и явлений, привлечших его внимание, именно равенство условий существования людей становится наиболее значимым обстоятельством, исходной первопричиной, из которой предопределялось каждое конкретное явление общественной жизни американцев. Придавая определенное направление общественному мнению и законам страны, оно, по мнению Токвиля, заставляет тех, кто управляет, признавать совершенно новые нормы, а тех, кем управляют, вынуждает обретать особые навыки взаимодействия. Однако Токвиль считает одинаково опасными возможные крайности в понимании соотношения равенства и свободы: от отрицания зависимости между этими понятиями до превращения формального равенства в реальное состояние. Проявляя весьма критический подход к характеристике демократии, он обратит внимание на то, что воля демократии изменчива; её исполнители грубы, её законы несовершенны, но уничтожая подлинную свободу индивидов, только демократия, юридически закрепляет равенства их прав, гарантирует, в конечном счете, сохранение этой свободы в новых условиях социального развития.

Для современной концепции самоорганизации российского гражданского общества данные взгляды А. Токвиля на американскую практику интересны по меньшей мере в двух аспектах: структурном и функциональном. Речь идет об определении

правовых (равенство перед законом), политических (всеобщее избирательное право) и социально-экономических (социальное государство) характеристик гражданского общества; роли и месте ассоциаций граждан в демократическом политическом устройстве; поиске нового политического идеала, основанного на сочетании демократии с институтами либеральной направленности. Принимая во внимание методологию подхода А. Токвиля при исследовании властно-гражданских отношений, можно, во-первых, представить параметры дискретности и локальности трансформаций российского политического процесса. Во-вторых, определить причины модификации способов участия гражданского общества в политическом управлении. В-третьих, выявить факторы появления новых субъектов гражданских инициатив.

Российское гражданское общество, как правило, рассматривают в качестве условия, а не источника социально-политических изменений. Акцент делается на его «фоновой значимости» для публичной политики; патернализм характеризуется как доминирующий социальный запрос гражданских структур; управленческое воздействие на политический процесс представляется в основном заданным «выстраиванием» взаимоотношений между властью и обществом. Действительно, практика показывает способность существующего политического режима обеспечивать за счет внутренних механизмов определенное равновесие во взаимоотношениях государства и гражданского общества. Это могут быть прямые или косвенные меры запаздывающего влияния, директивной мобилизации или солидарного партнерства, усиливающие прагматическую управленческую тенденцию и инструментальный потенциал власти. В принципе, нет ничего экстраординарного в некоторой отстраненности большинства граждан от общественной самоорганизации. Более того, при существующей инфраструктуре общественного участия в политическом управлении речь может идти о «потенциале включенности» гражданского общества, инструментально-прикладном понимании демократических ценностей при согласовании интересов всех субъектов и институтов публичной сферы.

Для того чтобы гражданское общество задавало динамику развития социальной системы в целом, стимулируя политический процесс и социальные инновации, необходимо преодоление не только институциональных барьеров, ограничивающих потенциал общественной активности и самоуправления, но и совершенствование практики коммуникативного взаимодействия в системе «власть – общество». Серьезной проблемой для реализации потенциала общественной самоорганизации в российском социуме остается достаточно высокий уровень недоверия населения к государству и институтам гражданского общества. Это проявляется, прежде всего, в желании дистанцироваться от власти, постоянно выдвигать претензии в ее адрес и критиковать предпринимаемые действия, одновременно игнорируя существующие формы и технологии выражения общественного мнения в публичной политике, ценность презентации социальной значимости гражданских инициатив и практик открытого обсуждения общественно значимых проблем.

Анализ коммуникативного взаимодействия как механизма самоорганизации социума представлен в теории «делиберативной демократии» Ю. Хабермаса. Так же как и Токвиль, он считает, что гражданское общество, являясь субъектом социальных изменений, заинтересовано не в революции, а в структурной реформе. Ключевое значение в этом плане имеет взаимосвязь политических и гражданских ассоциаций, обеспечивающих условия для консолидации демократии благодаря созданию каналов самовыражения и идентификации групп интересов; управлению поведением их членов по отношению к коллективным обязательствам; формированию потенциала общественной самоорганизации и т.д. Одновременно Хабермас стремится дать ответы на новые вопросы: «Как достигается политический консенсус, необходимый для самоорганизации гражданского общества?», «Как совместить плюрализм с универсализмом?», «Как оценить качество публичной сферы гражданского общества?». Хабермас предлагает интересную характеристику возможных направлений деятельности акторов гражданского общества, типологию ситуаций их взаимосвязи с политикой и властью. Ключ-

чевым для понимания данного процесса становится термин «общественность» (offentlichkeit). Речь идет об объединениях и структурах, опосредующих взаимодействии индивида и государства, но не имеющих непосредственно государственного характера. Данные структуры обеспечивают открытость и гласность в совместной жизнедеятельности людей, в отличие от относительной закрытости, обособленности их частной жизни; способствуют установлению разнообразных связей общения индивидов и их объединений по интересам, профессиям, возрастным группам; развивают общинные объединения для решения конкретных задач и т.д. Особое внимание Хабермас уделяет субъектам публичной сферы гражданского общества: акторам, которые являются ее непосредственным продуктом (кофейни, клубы, газеты и т.д.); акторам, которые появляются в публичной сфере гражданского общества для проведения собственных интересов (партии, общественные организации). Они обладают не только необходимыми организационными ресурсами, но и определенными санкциями для осуществления подобных действий со стороны государства. Третья группа акторов (журналисты, специалисты медийного поля, рекламные агенты) присутствует в публичной сфере гражданского общества для сбора необходимой информации при разработке и принятии государственных решений, оценки действующих в обществе социально-экономических программ, формирования позитивного общественного мнения о власти и должностных лицах. Для делиберативной демократии принципиально, чтобы именно эта категория субъектов публичной сферы соблюдала универсальные для свободного демократического сообщества моральные и правовые принципы коммуникативных действий в интересах общества и его граждан.

При этом Хабермас достаточно негативно оценивает перспективы развития публичной сферы современного гражданского общества. Коммерциализация и расширение участия профессиональной и партийной политики приводят к искаженной форме общественности. Анализируя сложившийся общественный порядок, критикуя «эксцессы» демократии в западном и социалистическом обществе, он приходит к выводу, что отношения власти и господства являются основными источниками самоотчуждения индивидов. Отношения господства определяют «неистинную» коммуникацию, отрицающую у личности человеческое начало, его подлинную идентичность. Только возвращение свободного дискурса придаст коммуникации осмысленный характер. Хабермас считает, что важнейшей задачей нашего времени является открытие политического форума для широких масс с целью установления несогласия и приведения соответствующих доказательств для достижения коммуникативно-рационального общества. Легитимным является решение, в обсуждении которого приняло участие наибольшее количество граждан, а не решение, представляющее его волю по принципу «знаем, что народ хочет». Иными словами, масштабы процедуры обсуждения политических вопросов и принятия политических решений как некий идеальный тип могут использоваться в качестве оценки демократичности реального политического процесса. В ходе организованного обсуждения, имеющего целью «одну лишь правду», преодолеваются индивидуальный и групповой партикуляризм, разобщающий людей, мешающий их взаимопониманию. Сознательная «коррекция» участниками «дискурса» высших ценностей в соответствии с изменяющимися требованиями современности обеспечит политический консенсус, необходимый для самоорганизации гражданского общества. Последующая активность его непосредственных субъектов приведет к постановке вопросов, которые демонстрируют иллюзорность легитимности существующих и санкционированных законом состояний в границах социальной целостности. Безусловно, могут возникнуть движения гражданского неповиновения, которые свидетельствуют о кризисе системы и ориентированы против принимаемых политических решений. Однако в сильных гражданских обществах недоверие к действиям власти, протест против любого нарушения государством норм справедливости, как и политический конфликт, неизбежны. В этом понимании взаимосвязи гражданского общества и политики, проводимой по стандартам коммуникативной рациональности, прослеживается одна из основополагающих идей Хабермаса, о том, что именно в публичной

сфере реализуется потенциал коммуникативного действия, дающего импульс социальной и системной интеграции общества. Понимание Ю. Хабермасом моделей институционализации самоорганизации граждан базируется на новой методологии – коммуникативном подходе, позволяющим выявить существенные характеристики конфликта и согласия в отношениях между государством и обществом при достижении консенсуса и претензии на справедливость, исторически присущих социальной жизни людей. По его мнению, возможны три сценария взаимосвязи политической и публичной сфер в постановке социально значимых проблем. Первый сценарий основан на инициировании дискурса политическими лидерами или правительственной бюрократией, что закономерно приводит к исключению других участников из процесса активного обсуждения. Вследствие этого в социуме возникает ситуация, при которой общество практически теряет способность мыслить самостоятельно и критически. Средства массовой коммуникации не только самостоятельно формируют общественное мнение, но и активно манипулируют им в целях тех или иных групп интересов. При втором сценарии инициатива вновь исходит от политической системы, но нуждаясь в активности определенных групп для успешной реализации собственных планов, политические лидеры или правительственная бюрократия должны мобилизовать публичную сферу. Необходимость публичных дискуссий сохраняется, но переходит в зависимости от каждой конкретной проблемы на разные уровни участия заинтересованных лиц: от узкого круга граждан, по сравнению со всем населением, до проведения широких обсуждений по поводу государственных вопросов через опосредованные инструменты, позволяющие охватить большее количество граждан. В итоге публика перестает быть единым целым, происходит условный «распад» ее на «самостоятельные публичные пространства». Постоянное конструирование публичных пространств отличаются неоднородностью, они могут пересекаться друг с другом, создавая напряженность в отношениях между государством и гражданскими институтами. В третьем сценарии картина принципиально меняется, так как инициатива дискурса находится вне политической системы. Вследствие этого происходит мобилизация ресурсов гражданского общества, гражданские активисты, а не партийные функционеры или государственные чиновники определяют рамки и направленность дискуссий. Выраженное в ходе обсуждения согласие или несогласие с происходящим имеет далеко идущие последствия для всего общества как целого. Условиями реализации третьего сценария, демонстрирующего способность гражданского общества к эффективному функционированию в публичной сфере, являются, во-первых, наличие должного уровня рационализации жизненного мира структурами гражданского общества и, во-вторых, либеральные ценности и стереотипы в их политической деятельности. Платформы для объединения граждан в средствах массовой коммуникации при реализации третьего сценария формируют академические сообщества; университеты; профессиональные организации и т.д. Считая, что современное общество реально угрожает коммуникативной рациональности, Хабермас предлагает рассмотреть требования этики к организации дискурса [11]. Её пять важнейших принципов (всеобщности, автономии, идеального исполнения роли, нейтральности силы власти, прозрачности) гарантируют «ответственность коммуникативной свободы», а достижение рационального общественного согласия становится следствием понимания как основы коммуникативных действий акторов.

В данном контексте важно обсудить, по меньшей мере, три проблемы, которые достаточно актуальны для дальнейшего концептуального анализа самоорганизации современного российского гражданского общества. Во-первых, оценка ресурсного потенциала и степени влияния на эффективность взаимоотношений государства и гражданского общества диаметрально противоположных механизмов консолидации индивидов, используемых властью и гражданскими формированиями. Параметрами властных отношений являются принуждение, патронаж, контроль, а параметрами общественной самоорганизации – свобода, самодеятельность, самоконтроль. Если преобладают властные технологии, общественная самоорганизация проявляется в имитационных формах, и на процесс разработки, принятия и реализации политиче-

ских решений оказывают влияние только лояльные и подконтрольные государству институты гражданского общества. Если обеспечено сочетание названных параметров, причем конструктивная гражданская активность поддерживается внедрением в сферу публичной политики новых процедур, обеспечивающих проведение эффективного политического курса, меняются не только характер запросов гражданского общества на участие в управлении, но и появляется реальная возможность для достижения целей, декларируемых гражданскими инициативами.

Во-вторых, определение факторов, которые оказывают прямое воздействие на локальную и общенациональную самоорганизацию российских граждан или ограничивают её. Мониторинг динамики самоорганизации гражданского общества выявляет структурные изменения процесса, содержание перспективных направлений его практической реализации, сегменты общественно значимой и деструктивной самоорганизации, создающей реальные угрозы и политические риски. При отсутствии прямой зависимости между стабильностью демократии и уровнем развития гражданского общества особый интерес представляет самоорганизации граждан в ситуациях разногласий между властными и общественными структурами при разработке, принятии или реализации управленческих решений, а также публичная демонстрация неконтролируемой самоорганизации.

В-третьих, характеристика новой конфигурации институционального порядка и легитимных процедур коммуникаций в публичной сфере для поддержки реальных конкурентных преимуществ самоорганизации гражданского общества. Предупредительный или прецедентный характер гражданских инициатив позволяет определить вектор направленности последующих действий институтов гражданского общества в политическом пространстве. Их спектр может быть достаточно широк с точки зрения позитивных и негативных последствий для властных и гражданских структур: от конструктивного взаимодействия до апатии, невмешательства или открытых протестных действий. Невозможность наличия единого организационного шаблона практик гражданской самоорганизации, ограниченность формата взаимоотношений гражданских структур с политической властью объективно требуют «коммуникативной рациональности» и использования в публичном обсуждении технологий, обеспечивающих дискурс о политическом согласии в обществе, необходимости его достижения, постановки этой проблемы в политическую «повестку дня». Результативность процесса во многом зависит и от изменений в политической культуре правящей элиты и населения, инструментального сопровождения коммуникативного взаимодействия, итогом которого становится превращение заявленных требований гражданских структур в реальные действия властей.

Логика дальнейшего исследования самоорганизация современного российского гражданского общества предполагает характеристику особенностей институциональных преобразований политического процесса. Интерес представляет формирование условий для саморазвития системы за счет повышения мотивации и способности россиян к самоорганизации; поддержки гибкости и адаптивности управленческих структур, реализующих государственные меры стимулирования данного процесса; обеспечения постепенной замены «официальной публичной политики» на свободный обмен информацией и опытом использования имеющихся возможностей для реализации гражданских инициатив. Дефицит адекватных условий для развития общественной самоорганизации закономерно приводит к тому, что базовой основой самодеятельности участников, как для гражданских, так и для властных структур, становятся неформальные связи и, как следствие, лояльность к «своим» и недоверие к «чужим». Локальность социального доверия автоматически ограничивает потенциал гражданской самоорганизации и вовлеченности на организационном и нормативном уровнях, поскольку взаимное признание, уважение, равенство положения и учет взаимных интересов подменяет избирательное отношение или дискриминация по тем или иным основаниям. Общественные дискуссии и открытое обсуждение для согласования позиций уступают место «частной» обратной связи, закулисным дого-

воренностям, «личным обязательствам». Соответственно, тематическое поле анализа должно включать также вопрос о вариативности процедур включения и исключения из публичного пространства разнообразных форм гражданской самоорганизации и степень их влияния на заданный результат при направленном воздействии со стороны государства и гражданского общества. Масштаб государственного запроса на конкурентоспособность российского гражданского общества и состоятельность практик самоуправления позволит оценить региональный контекст реализации гражданской самоорганизации.

В заключение отметим, что с точки зрения самоорганизации современного российского гражданского общества политическую ценность представляет вся совокупность социальных изменений во взаимосвязях между гражданскими и властными структурами. Сложность и длительность их последующей трансформации очевидна, но в ее необходимости в равной степени заинтересованы и государство, и гражданское общество.

Список литературы

1. Белокурова Е. В. Концепция гражданского общества в российском прочтении: обзор публикаций последних лет / Е. В. Белокурова // Граждане и власть: проблемы и подходы. – СПб.: Летний сад, 2001. – Вып. 5. – 267 с.
2. Дворкин Р. Либерализм / Р. Дворкин // Современный либерализм: Ролз, Берайн, Дворкин, Кимлика, Сэндел, Тейлор, Уолдрин; пер. с англ. Л. Б. Макеевой. – М.: Прогресс-традиция, 2001. – 248 с.
3. Коэн Дж. Л. Гражданское общество и политическая теория / Дж. Л. Коэн, Э. Арато. – М.: Весь мир, 2003. – 784 с.
4. Никовская Л. И. Гражданские инициативы и модернизация России / Л. И. Никовская, В. Н. Якимец, М. А. Молокова. – М.: Ключ-С, 2011. – 336 с.
5. Соловьев А. И. Латентные структуры управления государством, или Игра теней на лике власти / А. И. Соловьев // Полис. Политические исследования. – 2011. – № 5. – С. 70–98.
6. Блок С. Р. Неприбыльный сектор США: правовая основа, масштабы, конкурентоспособность, эффективность / С. Р. Блок, В. Н. Якимец. – М.: Ленанд, 2007. – 304 с.
7. Токвиль А. Демократия в Америке / А. Токвиль. – Режим доступа: http://royallib.com/book/tokvil_aleksis/demokratiya_v_amerike.html, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
8. Трансформация публичной сферы и сравнительный анализ новых феноменов политики / отв. ред. Л. В. Сморгун, Е. В. Морозова. – Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2010. – 370 с.
9. Туманова А. С. Концепция гражданского общества западных обществоведов XX века / А. С. Туманова // Гражданское общество в России и за рубежом. – 2013. – № 1. – С. 10–15.
10. Управление публичной политикой / под ред. Л. В. Сморгунова. – М.: Аспект-Пресс, 2015. – 320 с.
11. Флинберг Б. Хабермас и Фуко – теоретики гражданского общества / Б. Флинберг. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/tokv/, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
12. Хабермас Ю. Вовлечение другого / Ю. Хабермас. – Режим доступа: http://royallib.com/.../vovlechenie_drugogo_ocherki_politicheskoy_teorii.html, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
13. Хабермас Ю. К разуму публичной сферы / Ю. Хабермас // Ах, Европа. – М.: Весь мир, 2012. – 160 с.
14. Якобсон Л. И. Факторы развития гражданского общества и механизмы его взаимодействия с государством / Л. И. Якобсон. – М.: Вершина, 2008. – 296 с.

References

1. Belokurova E. V. Kontseptsiya grazhdanskogo obshchestva v rossiyskom prochtenii: obzor publikatsiy poslednikh let [The concept of civil society in the Russian reading: a review of recent publications]. *Grazhdane i vlast: problemy i podhody* [Citizens and Authorities: Problems and Approaches]. St. Petersburg, Letniy sad Publ., 2001, no. 5, 267 p.
2. Dvorkin R. Liberalizm [Liberalism]. *Sovremennyy liberalizm: Rolz, Berain, Dvorkin, Kimlika, Sendel, Teylor, Uoldrin* [Modern Liberalism: Rawls, Berain, Dworkin, Kymlicka, Sandel, Taylor, Uoldrin]. Moscow, Progress-traditsiya Publ., 2001, 248 p.

3. Koyen Dzh. L., Arato Ye. *Grazhdanskoe obshchestvo i politicheskaya teoriya* [Civil Society and Political Theory]. Moscow, Ves mir Publ., 2003, 784 p.
4. Nikovskaya L. I., Yakimets V. N., Molokova M. A. *Grazhdanskie initsiativy i modernizatsiya Rossii* [Civil initiatives and modernization of Russia]. Moscow, Klyuch-S Publ., 2011, 336 p.
5. Solovev A. I. Latentnye struktury upravleniya gosudarstvom, ili igra teney na like vlasti [Latent structure of government, or Game of Shadows on the face of power]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Policy. Political studies], 2011, no. 5, pp. 70–98.
6. Blok S. R., Yakimets V. N. *Nepribyl'nyy sektor SShA: pravovaya osnova, masshtaby, konkurentosposobnost, effektivnost* [US non-profit sector: the legal basis, scope, competitiveness, efficiency]. Moscow, Lenand Publ., 2007, 304 p.
7. Tokvil A. *Demokratiya v Amerike* [Democracy in America]. Available at: http://royallib.com/book/tokvil_alexis/demokratiya_v_amerike.html.
8. *Transformatsiya publichnoy sfery i sravnitel'nyy analiz novykh fenomenov politiki* [The transformation of the public sphere, and a comparative analysis of the phenomena of the new policy]. Ed. by L. V. Smorgunov, E. V. Morozova. Krasnodar, Kuban State University Publ., 2010, 370 p.
9. Tumanova A. S. Kontsepsiya grazhdanskogo obshchestva zapadnykh obshchestvovedov XX veka [The concept of civil society of Western social scientists of the XX century]. *Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii i za rubezhom* [Civil society in Russia and abroad], 2013, no. 1, pp. 10–15.
10. *Upravlenie publichnoy politikoy* [Management of public policy]. Ed. by L. V. Smorgunov. Moscow, Aspekt-Press Publ., 2015, 320 p.
11. Flinberg B. *Khabermas i Fuko – teoretiki grazhdanskogo obshchestva* [Habermas and Foucault – civil society theorists]. Available at: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/tokv/.
12. Khabermas Yu. *Vovlechenie drugogo* [The involvement of other]. Available at: http://royallib.com/.../vovlechenie_dругого_oчерки_politicheskoy_teorii.html.
13. Khabermas Yu. K razumu publichnoy sfery [By reason of the public sphere]. *Akh, Evropa* [Oh, Europe]. Moscow, Ves mir Publ., 2012, 160 p.
14. Yakobson L. I. *Faktory razvitiya grazhdanskogo obshchestva i mekhanizmy ego vzaimodeystviya s gosudarstvom* [Factors of development of civil society and the mechanisms of its interaction with the state]. Moscow, Vershina Publ., 2008, 296 p.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АУДИТ КАК ЧАСТЬ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

Минёва Оксана Карловна, доктор экономических наук, профессор
Астраханский государственный университет
Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: okmineva@rambler.ru

В рамках данной статьи систематизирована практика проверок, проведенных Счетной палатой России в 2013–2015 гг., которая может быть положена в основу совершенствования государственной политики и законодательной инициативы в области устранения коррупционных факторов.

Ключевые слова: коррупция, государственный аудит, Счетная палата, коррупционные факторы, антикоррупционная политика

STATE AUDIT AS PART OF ANTI-CORRUPTION POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Mineva Oksana K., D.Sc. (Economics), Professor
Astrakhan State University
20a Tatishcheva Str., Astrakhan, 414056, Russian Federation
E-mail: okmineva@rambler.ru

In the framework of the article practice of audits conducted by the Audit Chamber of Russia in 2013–2015 is systematized, which can be the basis for improving public policy and legislative initiatives in the field of elimination of corruption-factors.

Keywords: corruption, state audit, the Audit Chamber, corruption-factors, anti-corruption policy